

§ III. Лекарства от конкуренции

Можно ли отменить конкуренцию в труде?

Также стоит спросить, возможно ли подавить индивидуальность, свободу, персональную ответственность.

Конкуренция, по сути, является выражением коллективной деятельности; точно так же, как заработная плата, рассматриваемая в ее высшем смысле, является выражением заслуг и недостатков, короче говоря, ответственности работника. Напрасно мы рассуждаем и возражаем против этих двух основных форм свободы и дисциплины в труде. Без теории заработной платы нет распределения, нет справедливости; без организации конкуренции нет социальной гарантии и, следовательно, солидарности.

Социалисты перепутали две принципиально разные вещи, противопоставляя союз домашнего очага промышленной конкуренции, они задавались вопросом: нельзя ли создать общество точно так же, как большую семью, в которой все ее члены связаны кровными узами, а не как своего рода коалицию, в которой интересы каждого ограничиваются законом. Семья не является, если можно так сказать, видом, органической молекулой общества. В семье, как очень точно заметил г-н де Бональ, существует лишь моральное существо, один дух, одна душа, и, я бы сказал, согласуясь с Библией, одна плоть. Семья является типом и колыбелью монархии и патрициата: в ней заключается и сохраняется идея власти и суверенитета, которая все больше и больше стирается в государстве. Именно по семейной модели были организованы все древние и феодальные общества: и именно против этого старого патриархального устройства протестует и восстает современная демократия.

Составной единицей общества является цех.

Так вот, цех обязательно подразумевает корпоративный интерес и личные интересы; коллективного человека и отдельных лиц. Отсюда система отношений, неизвестная для семейных отношений, среди которых противостояние коллективной воле, представленное *хозяином*, и индивидуальной воле, представленное *наемными работниками*, фигурирует в первом ряду. Далее следуют отношения между цехом и цехом, капиталом и капиталом, другими словами, конкуренция и ассоциация. Потому что конкуренция и ассоциация поддерживают друг от друга; они не существуют друг без друга; не взаимоисключаются, они даже не отличаются. Кто произносит «конкуренция», уже предполагает общую цель; следовательно, конкуренция — это не эгоизм, и самая печальная ошибка социализма — расценивать ее как явление, разрушающее общество.

Поэтому здесь не может быть и речи о том, чтобы уничтожить конкуренцию, вещь столь же невозможную, как уничтожение свободы; речь идет о том, чтобы найти баланс, я бы охотно сказал — страховку. Потому что вся сила, вся спонтанность, индивидуальная или коллективная, должны получить свое определение: (определение) именно конкуренции в этом отношении, как (определение) разума и свободы. Как, следовательно, конкуренция будет гармонично определяться в обществе?

Мы слышали ответ г-на Дюнойе, выступающего от имени политической экономии: конкуренция должна определять сама себя. Иными словами, по мнению г-на Дюнойе и всех экономистов, средством устранения недостатков конкуренции является опять же конкуренция; и поскольку политическая экономия является теорией собственности, абсолютного права на использование и злоупотребление, ясно, что политической экономии больше нечего ответить. Это как если бы утверждалось, что развитие свободы осуществляется свободой, воспитание ума — умом, определение стоимости — стоимостью: все суждения с очевидностью тавтологические и абсурдные.

И на самом деле, чтобы войти в сюжет, который мы рассматриваем, перед глазами появляется то, что конкуренция, осуществляемая сама для себя и не имеющая другой цели, кроме сохранения неопределенной и противоречивой независимости, не может привести ни к чему, и что ее колебания вечны. В конкуренции это капитал, машины, процессы, талант и опыт, то есть еще капиталы, которые находятся в борьбе; победа обеспечена самым большим батальоном. Следовательно, если конкуренция осуществляется только в частных интересах, а ее общественные последствия не существовали и не были определены наукой, не защищены государством, то в конкуренции, как в демократии, будет возникать непрерывная тенденция от гражданской войны к олигархии, от олигархии к деспотизму, затем к роспуску и возвращению к гражданской войне, бесконечной и беспокойной. Вот почему конкуренция, оставленная самой себе, никогда не сможет прийти к своему построению: подобно стоимости, ей нужен более высокий принцип, который социализирует и определяет ее. Эти факты в настоящее время достаточно хорошо установлены, чтобы мы могли воспринимать их подготовленными к критике и обходиться без них. Политическая экономия в том, что касается страхования конкуренции, которая не имеет и не может иметь другого средства, кроме самой конкуренции, оказалась бессильной.

Осталось узнать, как понял решение социализм. Один пример покажет меру его средств и позволит нам сделать общие выводы по этому поводу.

Г-н Луи Блан, пожалуй, из всех современных социалистов тот, кто благодаря своему замечательному таланту знал, как лучше всего привлечь внимание общественности к своим произведениям. В своей «Организации труда», сведя проблему ассоциации к единому пункту конкуренции, он без колебаний высказывается за ее устранение. Исходя из этого, можно судить, насколько этот писатель, обычно такой проницательный, обманулся в отношении стоимости политической экономии и важности социализма. С одной стороны, г-н Блан, получая, не знаю где, свои готовые идеи, отдавая все своему веку и ничему — Истории, абсолютно отвергает, по содержанию и по форме, политическую экономия и лишает сам себя материалов по организации (труда); с другой стороны, он приписывает реанимированным тенденциям всех предыдущих эпох и тому, что он берет в новых (эпохах), реальность, которой у них нет, и игнорирует природу социализма, который должен быть

исключительно критическим. Поэтому г-н Блан предоставил нам зрелище живого и проворного воображения, борющегося с невозможностью; он верил в ясновидение гения: но он должен был заметить, что наука не импровизирует, и что называйся Адольфом Бойером, Луи Бланом или Ж.Ж. Руссо, пока нет ничего, что достигнуто опытным путем, нет и понимания.

Г-н Блан начинает с этой декларации: «Мы не сможем понять тех, которые представляли я не знаю какую таинственную связь двух противоположных принципов. Прививать ассоциацию к конкуренции — плохая идея: (это как) заменить евнухов гермафродитами». Эти четыре строки сохраняются к вечной досаде г-на Блана.

Они доказывают, что на момент 4-го издания своей книги он был в том, что касается логики, столь же продвинутом, как и по политической экономии, и что он рассуждал о той и о другой так, как слепой о цветах. Гермафродитизм в политике состоит именно в исключении, потому что исключение возвращает обратно всегда, в любой форме и на любом уровне исключенную идею; и г-н Блан будет чрезвычайно удивлен, если его заставят увидеть через бесконечную смесь наиболее противоречивых принципов, которую он составил в своей книге,— власть и право, собственность и коммунизм, аристократию и равенство, труд и капитал, вознаграждение и самопожертвование, свободу и диктатуру, свободный взгляд и религиозную веру, что настоящий гермафродит, публицист с двойным полом, — это он. Г-н Блан, находящийся на границах демократии и социализма, на один градус ниже Республики, на два градуса ниже г-на Барро, на три градуса ниже г-на Тьера, по тому, что он говорит и что он делает, потомок в четвертом поколении г-на Гизо, доктринера.

«Конечно, — восклицает г-н Блан, — мы не из тех, кто кричит анафему принципу власти. У нас была тысяча возможностей для защиты этого принципа от атак, столь же опасных, сколь и глупых.

Мы знаем, что если в обществе нигде нет организованной силы, то деспотизм — повсюду...»

Таким образом, по словам г-на Блана, лекарство от конкуренции, или, скорее, средство ее отмены, заключается во вмешательстве власти, в замене государством индивидуальной свободы: это противоположность системы экономистов.

Я сожалею, что г-н Блан, чьи социальные пристрастия известны, обвинил меня в том, что я веду против него непристойную войну, опровергая его. Я отдаю должное отважным намерениям г-на Блана; я люблю и читаю его произведения и особенно благодарю его за оказанную услугу, состоящую в разоблачении в его «Истории десяти лет» неизлечимой несостоятельности его партии. Но никто не может согласиться на то, чтобы оказаться простофилей или дураком: значит, если оставить в стороне все персональные вопросы, что может быть общего между социализмом, этим всеобщим протестом, и смешением старых предрассудков, составляющих республику г-на Блана? Г-н Блан не перестает звать к власти, а социализм громко заявляет о своей анархичности; г-н Блан ставит власть над обществом, а социализм стремится поместить власть под обществом; г-н Блан заставляет спуститься сверху общественную жизнь, а социализм заставляет ее появляться и расти снизу; г-н Блан бежит за политикой, а социализм ищет науку. Без всякого лицемерия я скажу г-ну Блану: вы не хотите ни католицизма, ни монархии, ни знати; но вам нужен Бог,

религия, диктатура, цензура, иерархия, различия и звания. А я отрицаю вашего Бога, ваш авторитет, вашу власть, ваш правовой статус и все ваши представительные мистификации; я не хочу ни кадила Робеспьера, ни указки Марата; и вместо того, чтобы терпеть вашу двуполоую демократию, я поддерживаю *statu quo* (Так у Прудона (не status). — А.А. А-О.). В течение шестнадцати лет ваша партия сопротивляется прогрессу и сдерживает продвижение взглядов; в течение шестнадцати лет демонстрирует свое деспотическое происхождение, создавая очередь в конце левого центра: ей пора отречься или преобразиться. Непримиримые теоретики власти, предполагаете ли вы, что правительство, за которое вы ведете войну, не сможет достичь более удобоваримого пути, чем вы?

СИСТЕМА г-на Блана может быть обобщена в трех пунктах:

- 1) Создать из власти большую инициативную силу, то есть, говоря по-французски, сделать произвольное всеильным, чтобы реализовать утопию.
- 2) Создать и спонсировать за государственный счет народные цеха.
- 3) Истребить частную промышленность под давлением конкуренции с национальной (государственной) промышленностью.

И это все.

Решил ли г-н Блан проблему стоимости, которая сама по себе затрагивает все остальные? он просто не подозревает об этом. — Представил ли он теорию распределения? Нет. — Разрешил ли он антиномию разделения труда, вечную причину невежества, безнравственности и нищеты для рабочего? Нет. — Устранил ли он противоречие между машинами и наемными работниками и согласовал ли право на свободу ассоциации с правами на свободу? Наоборот, г-н Блан освящает это противоречие. Под деспотической защитой государства он в принципе допускает неравенство в званиях и зарплатах, добавляя в качестве компенсации закон о выборах. Разве рабочие, которые голосуют за свои правила и которые назначают своих лидеров, не свободны? Вполне может случиться так, что эти рабочие, участвующие в голосовании, не признают ни начальников, ни разницы в оплате: тогда, поскольку ничего не было предусмотрено для удовлетворения производственных мощностей, при сохранении политического равенства, работники цехов разойдутся, и, если полиция не вмешается, все вернутся к своим делам. Эти опасения не кажутся г-ну Блану серьезными или обоснованными: он спокойно ожидает испытания, будучи уверенным, что общество не потрудится дать ему опровержение.

А такие сложные, такие смешанные с налогами, кредитами, международной торговлей, собственностью, наследственностью вопросы: углубился ли в них г-н Блан? И решил ли он проблему народонаселения? Нет, нет, нет, тысячу раз нет: когда г-н Блан не разрешает трудности, он их устраняет. По поводу народонаселения он говорит: «Поскольку есть только растущая бедность, и поскольку народный цех заставит бедность исчезнуть, нет необходимости ей заниматься».

Напрасно г-н де Сисмонди, опираясь на универсальный опыт, кричит ему: «Мы не доверяем тем, кто осуществляет делегированные полномочия. Мы считаем, что любая корпорация

будет вести дела хуже, чем те, которые движимы индивидуальным интересом; что со стороны директоров будет проявляться небрежение, помпезность, разрушение, фаворитизм, опасения скомпрометировать себя, все недостатки, наконец, которые мы замечаем в управлении общественным состоянием в качестве оппозиции состоянию частному. Мы также верим, что на собрании акционеров мы обнаружим только невнимание, прихоти, халатность, и что коммерческое предприятие будет неизменно подвергаться риску и вскоре будет разрушено, если оно будет зависеть от совещательного собрания и торговца». Г-н Блан ничего не слышит; он оглушен звонкостью своих фраз: частный интерес — он заменяет его преданностью общественным делам; конкуренцию он заменяет имитацией и поощрениями. После возведения в принцип промышленной иерархии, необходимого следствия его веры в Бога, авторитета и гениальности, он предался мистическим силам, идолам своего сердца и своего воображения.

Таким образом, г-н Блан начинает с переворота или, скорее, согласно его собственному выражению, с применения *инициативной силы*, которую он присваивает власти; и он вносит выдающийся вклад в дело богатых, чтобы спонсировать пролетариат. Логика г-на Блана очень проста, это логика Республики: власть хочет того, что хочет народ, а то, что хочет народ, и есть правда. Единственный способ реформировать общество — это ужимать его наиболее спонтанные тенденции, отрицать его наиболее подлинные проявления и вместо того, чтобы обобщать благосостояние путем регулярного развития традиций, перемещать труд и доходы! Но, по правде, что хорошего в этих маскировках? почему так много обходных маневров? Не проще ли было сразу принять земельный закон? Может ли правительство в соответствии со своей инициативной силой с самого начала заявить, что все капиталы и инструменты труда являются государственной собственностью, за исключением компенсации, которая будет предоставлена владельцам в виде перехода? Посредством этой решительной, но лояльной и искренней меры экономическое поле было бы очищено; что не стоило бы утопии дороже, и тог да г-н Блан мог бы без помех с удовольствием перейти к организации общества?

Но что я говорю? организовать! Вся организаторская работа г-на Блана заключается в этом великом акте экспроприации или замены, если хотите: после однажды перемещенной и республиканизированной промышленности, создания большой монополии г-н Блан не сомневается, что производство пойдет так, как хотелось бы; он не понимает, что всё противится тому, что он называет своей *системой*, — единственная трудность. И на самом деле, что возразить против концепции, столь радикально ничтожной, сколь же неуловимой, как у г-на Блана? Самая любопытная часть его книги находится в избранной подборке, которую он создал из возражений, предложенных некоторыми неверующими, и на которые он, мы полагаем, победоносно отвечает. Эти критики не видели, что в процессе обсуждения системы г-на Блана, они спорили о размерах, весе и форме математической точки. Однако случилось так, что полемика, поддерживаемая г-м Бланом, научила его большему, нежели его собственные медитации; и стало понятно, что если бы возражения продолжались, все окончилось бы обнаружением того, что, как он думал, он изобрел, — организацией труда.

Но, наконец, столь ограниченная цель, к которой стремится г-н Блан, а именно устранение конкуренции и гарантия успеха предприятия, руководимого и финансируемого государством, достиг ли он этой цели? — По этому вопросу я процитирую размышления талантливого экономиста г-на Жозефа Гарнье, к словам которого я позволю себе приобщить

несколько комментариев.

«Правительство, — по словам г-на Блана, — выберет *моральных* работников и даст им *хорошие* зарплаты». Поэтому г-ну Блану нужны люди, сделанные нарочно: он не льстит себе, что учитывает все виды темпераментов. Что касается зарплат, г-н Блан обещает, что они будут *хорошими*; это проще, чем определить измерение.

«Г-н Блан считает, согласно его гипотезе, что такие цеха дадут чистый продукт, а также создадут такую хорошую конкуренцию с частной промышленностью, что они превратятся в национальные цеха» [179].

Как это может быть, если себестоимость народных цехов выше, чем себестоимость цехов свободных (частных)? В главе I я показал, что 300 рабочих на прядильной фабрике, все вместе, приносят предпринимателю чистый и регулярный доход в размере не более 20,000 франков; и что эти 20,000 франков, распределенных среди 300 рабочих, увеличат их доход только на 18 сантимов в день. К тому же это верно для всех отраслей. Как народный цех, который должен *своим работникам хорошие зарплаты*, восполнит этот дефицит? — Соперничеством, — говорит г-н Блан.

Г-н Блан с чрезвычайным самодовольством цитирует дом Леклера, компанию (фирму) художников-строителей, у которой хорошо идут дела и которую он считает живой демонстрацией своей системы. Г-н Блан мог бы добавить к этому примеру множество подобных компаний, которые оказались бы такими же, как дом Леклера, то есть не более. Дом Леклера — это коллективная монополия, поддерживаемая большим обществом, которое его окружает. Значит, вопрос состоит в том, может ли общество в целом стать монополией, в смысле г-на Блана и владельца дома Леклера: что я категорически отрицаю. Но что касается более пристального внимания к вопросу, который нас занимает и на что г-н Блан не обратил внимания, — это то, что вытекает из учетных записей, которые предоставил ему дом Леклер, что, если заработная плата в этом доме намного выше, чем в среднем по стране, первое, что нужно сделать в организации общества, — это вызвать конкуренцию с домом Леклера — среди его работников, или вне его.

«Заработные платы будут регулироваться правительством. Члены народного цеха будут распоряжаться ими по своему усмотрению, и *неоспоримое превосходство жизни в коммуне не заставит себя долго ждать — из объединения труда в добровольную ассоциацию удовольствий*».

Г-н Блан коммунист, да или нет? Пусть он скажет один раз, вместо того, чтобы широко растекаться; и если коммунизм не сделает его более понятным, по крайней мере мы будем знать, чего он хочет.

«Читая дополнение, в котором г-н Блан счел целесообразным бороться с возражениями, которые были высказаны ему в некоторых газетах, можно лучше увидеть, что является неполным в его концепции, дочери как минимум трех отцов, сен-симонизма, фурьеризма, коммунизма, с помощью политики, и немного, очень немного, — политической экономии».

«Согласно его объяснениям, государство будет лишь регулятором, законодателем,

защитником промышленности, а не производителем или универсальным производителем. Но поскольку он защищает исключительно народные цеха — чтобы уничтожить частную промышленность, он неизбежно приходит к монополии и возвращается к сен-симонистской теории, независимо от своего желания, по крайней мере, в отношении производства».

Г-н Блан не может этого отрицать: его *система* направлена против частной промышленности; и с его помощью власть силой своей инициативы стремится погасить все индивидуальные инициативы, запретить свободный труд. Соединение противоположностей противно г-ну Блану: поэтому мы видим, что, пожертвовав конкуренцией ради ассоциации, он еще жертвует и свободой. Я ожидаю, что это уничтожит семью.

«Тем не менее иерархия вышла бы за рамки выборного принципа, как в фурьеризме, так и в конституционной политике. Но все же эти народные цеха, регулируемые законом, будут ли они чем-то иным, нежели корпорациями? Что определяет положение корпораций? закон. Кто выпускает закон? правительство. Вы уверены, что он будет хорошим? Полноте! опыт показал, что никто никогда не слышал о том, чтобы закон регулировал бесчисленные происшествия в промышленности. Вы говорите нам, что он установит норму прибыли, ставку зарплат; вы надеетесь, что это будет сделано так, чтобы рабочие и капитал сосредоточились в народном цеху. Но вы не говорите нам, как будет установлен баланс между этими цехами, которые будут стремиться жить в коммуне, в фаланстере; вы не говорите нам, как эти цеха смогут избежать внутренней и внешней конкуренции; как они будут решать проблему перенаселения в отношении к капиталу; чем фабричные социальные цеха будут отличаться от тех, что работают на полях, и многое другое. Я знаю, что вы ответите: В силу конкретного закона! Но что если ваше правительство, ваше государство не знают, как это сделать? Разве вы не видите, что вы скатываетесь по откосу, и что вы обязаны придерживаться чего-то, что аналогично действующему закону? Это хорошо видно в процессе чтения вашего труда: вы заняты главным образом тем, чтобы изобрести власть, которая может быть приспособлена к вашей системе; но я заявляю, что, прочитав вас внимательно, я не думаю, что у вас есть четкое и точное представление о том, что вам нужно. Чего вам не хватает, как и всем нам, так это истинного представления о свободе и равенстве, которое вы не хотели бы игнорировать и которым вы обязаны пожертвовать, и некоторых мер предосторожности, которые бы вы приняли».

«Не зная природы и функций власти, вы не осмелились остановиться ни на одном объяснении; вы не дали ни малейшего примера».

«Согласимся, что цеха функционируют для производства, это будут коммерческие цеха, которые также будут заняты передвижением произведенного, будут производить обмены. А кто будет регулировать цену? Опять закон? На самом деле, я вам говорю, вам понадобится новое явление на горе Синай [180], иначе вы никогда не сможете заполучить ваш государственный совет, вашу палату представителей или ваш ареопаг сенаторов».

Эти размышления непобедимо верны. Г-н Блан, со своей организацией посредством государства, всегда обязан упоминать — с чего бы он хотел начать, и кто избавил бы его от необходимости создавать его книгу *«Изучение экономической науки»*. Как замечает его критик: «Г-н Блан серьезно ошибается, когда выстраивает политическую стратегию с вопросами, которые не подходят для такого использования»; он решил предъявить

требование к правительству, но ему удалось только лучше и лучше продемонстрировать несовместимость социализма с торжеством парламентской демократии. Его памфлет, полный красноречивых страниц, делает честь его словесности: что касается философской ценности книги, то она была бы такой же, как если бы автор ограничился написанием крупными буквами на каждой странице этого единственного слова: Я ПРОТЕСТУЮ.

Резюмируем:

Конкуренция как положение или экономическая фаза, рассматриваемая в ее происхождении, является необходимым результатом вмешательства машин, создания цеха и теории сокращения накладных расходов; рассматриваемая в своем собственном значении и в своей тенденции, она является способом проявления и осуществления коллективной деятельности, выражением соци-альной спонтанности, эмблемой демократии и равенства, наиболее энергичным инструментом создания стоимости, поддержкой ассоциации. — Как развитие индивидуальных сил она является залогом их свободы, первым моментом их гармонии, формой ответственности, которая объединяет их всех и делает солидарными. Но конкуренция, оставленная самой себе и лишенная направления превосходящего и эффективного принципа, является лишь смутным движением, бесцельным колебанием промышленной мощи, вечно брошенным между этими двумя одинаково губительными крайностями, — с одной стороны, корпорациями и патронатом (покровительством), с помощью которых, как мы наблюдали, появились цеха, с другой — монополией, о которой пойдет речь в следующей главе.

Социализм, небезосновательно протестуя против этой анархической конкуренции, еще не предложил ничего удовлетворительного для ее регулирования; и доказательство, что встречается повсеместно в появившихся утопиях, — определение или социализация стоимости, брошенной на произвол, и то, что все реформы ведут иногда к иерархической корпорации, иногда к монополии государства, или деспотизму сообщества.

Версия #2

Зверобой создал 14 марта 2025 02:59:08

Зверобой обновил 14 марта 2025 03:00:21